

МИХАИЛ АРЫБЯШЕВ

Михаил Арцыбашев

Революционер

I

Учитель Людвиг Андерсен вышел на школьный огород и решил пройти погулять к дальней роще, которая, как легкое синеватое кружево, отчетливо синела на белом снегу в поле, версты за две от деревни.

День был белый, светлый. От чистого белого снега и мокрых черных жердей ограды создавалась веселая чистая пестрота, и воздух был так легкий и прозрачен, как бывает только в самом начале весны.

«Еще одна весна моей жизни!» — глубоко и легко вздохнув, подумал Людвиг Андерсен, склонный к сентиментальной поэзии.

И, взглянув через очки на небо, он заложил руки за спину, поиграл там тростью и шагнул вперед.

И как раз в эту минуту он увидел на дороге, за изгородью в конце огорода, целую кучу людей и лошадей.

Это были солдаты. На белом снегу серели их однообразные шинели, блестели ружья и лошадиная шерсть, и видно было, как они двигались, неловко ступая по снегу своими кривыми кавалерийскими ногами. В первую минуту Людвиг Андерсен не понял, что они делают, но сразу, как-то не умом, а сердцем, почувствовал, что делают они что-то необыкновенное и страшное. И так же инстинктивно он почувствовал еще, что надо спрятаться и не попадаться им на глаза.

Поспешно, но не опуская рук, заложенных за спину, Людвиг Андерсен подвинулся влево и, сразу утонув по колени в мягком, талом, хрупком снегу, стал за невысокий стог прошлогоднего сена. Оттуда, вытянув шею, он ясно видел, что именно делали солдаты.

Их было человек двадцать и среди них один офицер, молодой, коренастый, в серой шинели, красиво перехваченной серебряной перевязью. Лицо у него было так красно, что через весь огород Людвиг Андерсен видел, как странно блестели на нем светлые торчащие усы и брови. Он что-то говорил, и голос его, резкий и отрывистый, ясно достигал ушей Людвиг Андерсена. Учитель прислушался.

— Я сам знаю, что мне делать! — кричал офицер, подбоченившись и глядя на кого-то вниз в кучке спешенных солдат. — Я вам покажу, как бунтовать... Сволочь проклятая!..

Смутная тревога сжала сердце Андерсена. «Боже мой! Неужели...» пронеслось в его мозгу, и какой-то холод охватил его голову.

— Господин офицер, — ответил очень тихо, но внятно чей-то сдержанный голос из кучки солдат, вы не имеете никакого права... для этого есть суд... вы не судья... это будет просто убийство, а не...

— Молчать! — взмахнув белой перчаткой, крикнул офицер, и слышно было, как он захлебнулся от злости. — Я вам дам суд!.. Иванов, делай!..

Он тронул лошадь и отъехал. И Людвиг Андерсен машинально обратил внимание, как чутко и осторожно прятала ушами легко переступающая с ноги на ногу, точно танцующая, лошадь. В эту минуту между солдатами произошла короткая судорожная суетливая возня, и они раздвинулись, оставив перед собою пустое место. А на этом месте остались три человека в черном — два высокие, а один очень низенький и щуплый. Людвигу Андерсену была видна его совсем белая голова с торчащими розовыми ушами.

Он уже понял, в чем дело, что он сейчас увидит, но это было так неожиданно и ужасно, что Людвиг Андерсен думал, что он бредит.

«Так светло... хорошо... снег, поле, небо... весной пахнет... сейчас будут убивать людей... что такое?.. не может быть!..» — нестройно пронеслось у него в голове, и было такое чувство, как при внезапном помешательстве, когда вдруг человек замечает, что он видит, слышит и чувствует совсем не то, что привык, что должен был бы видеть, слышать и чувствовать.

Три черных человека стояли в ряд у самой изгороди. Два близко друг к другу, третий, маленький, — немного поодаль.

— Господин офицер! — отчаянно заговорил один из них, и не видно было который. — Бог нас видит!.. Господин офицер!..

Восемь солдат поспешно слезали с коней, неловко цепляясь шпорами и шашками. Они видимо торопились, точно делали воровское дело.

Прошло несколько секунд в молчании, пока солдаты поспешно выстраивались в нескольких шагах перед черными людьми и торопливо снимали с плеч ружья. Один сбил перевязью с себя фуражку, и она покатила по снегу. Он так и надел ее, белую от мокрого снега.

Лошадь под офицером все тихонько танцевала на одном месте и прятала ушами, а другие лошади, чутко подняв острые уши, неподвижно смотрели на черных людей, уставив в ряд свои длинные умные морды.

— Помилуйте хоть мальчонку-то! — визгливо закричал вдруг другой голос. — Что ж детскую душу губить, подлецы!.. Он-то чем виноват!

— Иванов, я тебе сказал! заглушая его, закричал офицер. Его лицо так налилось кровью, что казалось сделанным из кумача.

И вдруг произошло что-то дикое, омерзительно ужасное: маленький черный человечек с белыми волосами и торчащими розовыми ушами дико закричал детским пронзительным голосом и метнулся в сторону, его (разу схватили два или три солдата, но он начал рваться так, что на помощь подбежало еще двое.

— Ай-ай-ай!.. — кричал мальчик. — Пустите, пустите!.. Ай-ай!..

Голос его визжал и резал, как визг недорезанного поросенка, и был ужасен. Кто-то, должно быть, ударил его, потому что он внезапно замолчал, и воцарилась жуткая неожиданная тишина. Чьи-то руки толкнули белоголового мальчика вперед, и вдруг раздался такой оглушительный и резкий залп, что грудь вздрогнула у Людвигу Андерсена. Он отчетливо и в то же время смутно, как во сне, видел, как падали черные люди, как сверкнули бледные огоньки, как легкий дымок поднялся в чистом светлом воздухе, как торопливо садились на лошадей солдаты, не оглядываясь на убитых, и как они тронулись по рыжей талой дороге, звеня оружием и шлепая копытами лошадей.

Это все он видел, уже стоя посреди дорожки, сам не зная, когда и почему он выскочил из-за своей копны. Людвиг Андерсен был бледен, как мертвый, все лицо его было покрыто липким потом и тело дрожало и билось в непонятной мучительной физической тоске. Это было чувство, похожее на страшную тошноту, но гораздо тоньше и ужаснее.

Когда солдаты скрылись на повороте в роще, к месту казни откуда-то стал быстро собираться народ, хотя раньше нигде никого не было видно.

Расстрелянные лежали за изгородью, на краю дороги, где хрупкий чистый снег не был истоптан и белел чисто и весело. Их было трое — двое взрослых мужчин и мальчик с белой головой, подвернувшейся в снегу, на длинной мягкой шее. Лица другою не было видно, потому что он упал ничком в лужу красной крови, а третий, большой чернобородый человек с огромными мускулистыми руками, лежал, вытянувшись во весь свой огромный рост и далеко раскинув руки по белому окровавленному снегу.

День был белый, светлый. От белого снега и мокрых черных жердей изгороди, красных пятен на снегу и неподвижных черных фигур создавалась веселая яркая пестрота, и воздух был так чист и прозрачен, как бывает только в самом начале весны. Лесок синел невдалеке.

Расстрелянные лежали неподвижно, чернея на белом снегу, и издали нельзя было понять, что такое ужасное есть в их неподвижности на краю наезженной узкой дороги.

II

В эту ночь Людвиг Андерсен, придя домой в свою маленькую комнату при школе, не писал стихов, как он это обыкновенно делал, а стал у окна и, глядя на далекий бледный кружок луны в туманном синем небе, думал. И мысль его была спутанна, смутна и тяжела, точно на мозг его опустилось какое-то облако.

За окном, в смутном лунном сумраке, неясно чернели силуэты изгороди, деревьев, белел пустой, весь освещенный луной огород, и Людвигу Андерсену казалось, что он видит их, грех убитых людей двух взрослых и одного мальчика. Они лежат теперь там, на проезжей дорою, посреди пустого молчаливого поля, и так же, как его живые, смотрят на далекую, холодную луну их мертвые белые глаза.

«Будет когда-нибудь время, грустно и тяжело думал Людвиг Андерсен, когда будут совершенно невозможны убийства людей другими людьми... Будет и такое время, когда те самые солдаты и офицер, которые убили этих трех человек, поймут, что они сделали, и поймут, что то, за что погибли эти три человека, было так же нужно, важно и дорого им самим, солдатам и офицерам, как и этим убитым...»

— Да! громко и торжественно, с увлажнившимися от слез глазами, проговорил Людвиг Андерсен. — Такое время будет!.. Они поймут!..

И бледный кружок луны в его глазах помутнел и расплылся.

Великая жалость к тем трем погибшим, глаза которых молчаливо и скорбно смотрят на луну и не видят уже ее, сжала сердце Людвигу Андерсена, и под этою жалостью чувство острой злобы шевельнуло своим острием.

Но Людвиг Андерсен смирил свое сердце и, тихо прошептав: «Не ведают, что творят», в этой старой и готовой фразе почерпнул силу задавить скорбь и гнев.

Был такой же точно светлый, белый день, но весна была уже во всем: и в запахе мокрого навоза, и в чистой холодной воде, отовсюду бегущей из-под талого рыхлого снега, и в гибкости мокрых веток, и в ясности голубоватых далей.

Но ясность и радость этого светлого весеннего дня стояли где-то вне села — в полях, лесах и горах, где не было людей, а в селе было душно, тяжело и страшно, как в кошмаре.

Людвиг Андерсен стоял на улице села за толпой черных, мрачных и растерянных людей и, вытягивая шею, смотрел, как собирались пороть семерых крестьян их же села.

Они стояли тут же, на талом снегу, и Людвиг Андерсен не мог узнать в них давно знакомых, понятных ему людей. Ему казалось, что это какие-то особенные люди и что тем, что должно позорное, страшное, несмыслимое произойти с ними сейчас, они отделились от всего мира и так же не могут чувствовать того, что чувствует он, Людвиг Андерсен, как и он не может понять того, что чувствуют они. Солдаты стояли вокруг, уверенно и красиво возвышаясь на своих больших толстых лошадях, кивающих умными мордами; они медленно поворачивали из стороны в сторону свои рябые, деревянные лица, с презрением глядя на него, на Людвиг Андерсена, который будет сейчас смотреть на этот ужас и омерзение и ничего не сделает им, не посмеет сделать. Так казалось Людвигу Андерсену, и невыносимое чувство холодного стыда сковало его, как в ледяную глыбу, из которой все видно, но нельзя ни пошевелиться, ни закричать, ни застонать.

Первого взяли. Людвиг Андерсен видел его умоляющий, безнадежный и такой странный взгляд. Губы этого человека тихо шевелились, но ни одного звука не было слышно, а глаза его блуждали и блестели ярко и остро, как у помешанного. И было видно, что мозг его уже не может вместить того, что с ним делают.

И так было ужасно это лицо, полное разума и безумия одновременно, что легче стало, когда его положили лицом в снег и вместо воспаленных глаз голо, бессмысленно, стыдно и страшно заблестела задняя часть его тела.

Большой краснолицый солдат в красной шапке подвинулся к нему, посмотрел вниз на голое срамное тело, точно любуясь им, и вдруг громко и отчетливо произнес:

— Ну, Господи, благослови!

Казалось, что Людвиг Андерсен не видит ни солдата, ни неба, ни лошадей, ни толпы, не чувствует ни холода, ни страха, ни стыда, не слышит, как, взвиваясь, свистит нагайка и кто-то кричит диким воем боли и отчаяния, а видит только голую вспухшую заднюю часть человеческого тела, быстро и ровно покрывающуюся белыми и багровыми полосами. Она понемногу теряла вид человеческого тела, и вдруг пятнами, каплями и струйками брызнула кровь и потекла с нее на белый талый снег.

И ужас объял душу Людвиг Андерсена в предвидении того момента, когда встанет этот человек и все увидят его лицо опять, после того, как при всех, на улице, его обнаженный зад бессмысленно и страшно превратили в кровавое месиво. Он закрыл глаза, а когда открыл, то увидел другого человека, которого силой валили в снег четыре рослых человека в шинелях и красных шапках и у которого уже так же голо, стыдно, страшно и нелепо до смешного ужаса блестела обнаженная задняя часть.

Потом третьего, четвертого и так до конца.

И Людвиг Андерсен, вытянув шею, дрожа и заикаясь, хотя он ничего не говорил, стоял в талом мокром снегу, дрожал, и пот, липкий и холодный, обливал его тело, и все существо было наполнено одним срамным, унижительным чувством: как бы его не увидели, как бы не обратили на него внимания, не схватили его, не оголили тут, на снегу, его, Людвиг Андерсена.

Толпились солдаты, лошади кивали головами, свистела нагайка, и голое срамное тело человеческое вспухало, дергалось, обливалось кровью, извивалось, как гад. Визг, ругательства и дикие вопли висели над селом в белом весеннем чистом воздухе.

А у крыльца правления уже виднелось пять человеческих лиц, лиц тех людей, которые уже перенесли это. Один из них так и стоял с голыми ногами, худыми и окровавленными. И нельзя было на них смотреть.

Людвиг Андерсен думал, что он умирает.

IV

Солдат было человек пятнадцать, унтер-офицер и молоденький, совсем безусый офицер. Офицер этот лежал перед костром и напряженно смотрел в огонь. Солдаты что-то делали около составленных в козлы ружей, и их серые приземистые фигуры тихо ворошились на черной обтаявшей земле, изредка попадая в красное зарево костра.

Людвиг Андерсен, в очках, с палкой за спиной и в пальто, подошел к ним. Унтер-офицер, толстый усатый солдат, торопливо поднялся и, отстраняясь от огня, взглянул на него.

— Кто такой? Чего надо? — спросил он тревожно.

И по звуку его голоса было слышно, что они боятся всего в этом чужом, насквозь промученном ими крае.

— Ваше благородие, — сказал он офицеру, — незнаемый кто человек...

Офицер поднял голову и молча посмотрел. Тонким и напряженным голосом Людвиг Андерсен сказал:

— Господин офицер, я — здешний торговец Михельсон и иду в поселок по делам... Я очень боялся, чтобы меня нечаянно не приняли за кого-нибудь... вы...

— Так чего ж вы лезете? — сердито спросил офицер и отвернулся.

— Торговец! — передразнил солдат. — А обыскать бы эту торговца... чтоб по ночам не шлялся... да наkostenять ему шею...

— Подозрительный человек, ваше благородие, — сказал унтер-офицер, пока что арестовать бы его, да...

— Оставь, — лениво отозвался офицер. — Надоели, черти!

Людвиг Андерсен стоял и молчал, и глаза его странно и тревожно блестели в темноте при свете костра. И было странно видеть его плотную маленькую фигурку, чистенькую и аккуратную, ночью в поле, среди солдат, в пальто, с тростью и очками, сверкающими при

огне.

Солдаты оставили его и отошли. Людвиг Андерсен постоял и пошел, и скоро скрылся во тьме.

V

Ночь как будто шла к концу. В воздухе стало холодно, и верхушки кустов яснее выделялись в темноте. Людвиг Андерсен снова шел к месту военного поста. Но на этот раз он прятался за кустами, пригибаясь и приседая. За ним тихо и осторожно, огибая кусты, неслышные, как тени, шли люди. И рядом с Людвигом Андерсеном шел высокий и худой человек с револьвером в руке.

Фигура солдата на пригорке странно и неожиданно, не там, где ее ожидали, замаячила, чуть-чуть освещенная отблеском потухающей костра. Людвиг Андерсен узнал его: это был тот самый солдат, который предлагал обыскать его. И ничего не шевельнулось в душе Людвиг Андерсена. Лицо у него было холодно и неподвижно, как у сонного. Вокруг костра спали враспяжку солдаты, и только унтер-офицер сидел, опустив голову на колени.

Высокий худой человек, который шел рядом с Людвигом Андерсеном, вытянул руку с револьвером и вдруг выстрелил. Страшно яркий огонь сверкнул и погас с оглушительным треском.

Людвиг Андерсен видел затем, как часовой взмахнул руками и сел на черную землю, схватившись за грудь. Со всех сторон засверкали короткие трескучие огоньки и слились в один сухой, раздирающий воздух треск. Унтер-офицер вскочил и сейчас же повалился прямо в огонь. Серые фигуры солдат, как призраки, метались во все стороны, размахивая руками и падая и корчась на черной земле. Мимо Людвиг Андерсена, как какая-то странная испуганная птица, размахивая руками, пробежал молоденький офицер, и, как будто думая о чем-то другом, Людвиг Андерсен поднял свою палку и изо всей силы, с тупым противным стуком, ударил его по голове офицера. И офицер странно закружился, наткнулся на куст и сел после второго удара, закрывая обеими руками голову, как делают дети. Кто-то подбежал сбоку и выстрелил, как будто из-под самую локтя Людвиг Андерсена. Офицер как-то странно порывисто осел и свалился наземь, точно его с силой бросили головой о землю, дернул ногами и мирно свернулся калачиком.

Выстрелы смолкали. Черные люди с белыми лицами, страшно и призрачно сереющими в темноте, суетились возле убитых солдат, отбирая оружие.

Людвиг Андерсен внимательно и холодно смотрел на все это. Когда все кончилось, он подошел и, взяв за ногу обгорелую тушу унтер-офицера, потащил ее с костра, не смог и бросил.

VI

Людвиг Андерсен неподвижно сидел на крылечке правленского дома и думал. Думал он о том, что он, Людвиг Андерсен, с его очками, тростью, пальто и стихами, лгал, предал пятнадцать человек, которых убили. Думал о том, что это страшно, и думал о том, что не ощущает в душе своей ни жалости, ни скорби и что если бы его выпустили, то все равно он,

Людвиг Андерсен, с теми же очками и стихами, пойдет опять. Он старался разделить что-то в своей душе, но мысли были тяжелы и спутанны. И ему почему-то тяжелее было представить себе тех трех человек, которые лежали на снегу и смотрели на далекий кружок бледной луны невидящими мертвыми глазами, чем убитого офицера, которую с сухим противным стуком он ударил палкой по черепу. О собственной смерти он не думал, и ему казалось, что в нем самом вес уже давно-давно кончилось. Что-то умерло, что-то опустело, и не надо было думать об этом.

И когда его взяли за плечо, и он встал, и его быстро повели куда-то через огород, где торчали сухие кочни капусты, Людвиг Андерсен не мог поймать в голове ни одной мысли.

Его вывели на дорогу и поставили у изгороди, спиной к столбику.

Людвиг Андерсен поправил очки, заложил руки за спину и стал, чистенький и толстенький, слегка наклонив голову набок.

В последнюю минуту он взглянул перед собой и увидел дула, направленные ему в голову, грудь и живот, и бледные, с трясущимися губами лица. Он отчетливо заметил, как одно дуло, глядевшее ему в лоб, вдруг опустилось.

Что-то странное и непонятное, как будто уже нездешнее, неземное, прошло в голове Людвига Андерсена. Он выпрямился во весь свой небольшой рост и закинул голову с наивной гордостью. Какое-то странное, но отчетливое сознание чистоты, силы и гордости наполнило его душу, а все и солнце, и небо, и люди, и поля, и смерть — показалось ему ничтожным, далеким и ненужным.

Пули хлопнули его в грудь, в левый глаз, в живот, пробив чистенькое, застегнутое на все пуговицы пальто... Он уронил очки, разбитые вдребезги, завизжал и, повернувшись кругом, упал лицом на твердую толстую жердь изгороди, тараща оставшийся глаз и царапая землю ногтями вытянутых рук, точно стараясь удержаться.

Позеленевший офицер бросился к нему и, бестолково тыкая его револьвером в затылок, выстрелил два раза. Людвиг Андерсен вытянулся.

Солдаты быстро ушли, отбивая шаг. А Людвиг Андерсен остался лежать, будто приплюснутый к земле. Его левая рука еще секунд десять шевелила указательным пальцем.